

Дмитрий Черняков

24 НОЯБРЯ БОЛЬШОЙ ТЕАТР ПРЕДСТАВЛЯЕТ
ПРЕМЬЕРУ «ВОЦЦЕКА» АЛЬБАНА
БЕРГА, ТРЕТЬЕГО МОСКОВСКОГО СПЕКТАКЛЯ
ДМИТРИЯ ЧЕРНЯКОВА

ГЛАВНЫЙ оперный режиссер страны ставит главные названия русского («Китеж», «Онегин», «Борис Годунов», «Леди Макбет Мценского уезда») и зарубежного («Аида», «Тристан и Изольда», теперь вот «Воццек», вскоре «Дон Жуан») репертуара на главных сценах России (Мариинка, Большой, Новосибирская опера) и мира (Berliner Staatsoper, Bayerische Staatsoper и Opera de Paris, на очереди фестиваль в Экс-ан-Провансе и Alla Scala). Говорим «русская опера» — подразумеваем Дмитрий Черняков: впервые в истории отечественного музыкального театра его первым лицом стал не певец или дирижер, а режиссер.

Ключевое достижение Чернякова — окончательное преодоление оперной имперсональности, обобщенной условности. Завершив начатый старшими коллегами в 1990-е процесс авторизации российского музыкального театра, он узаконил право лично высказываться на оперной сцене. Русское искусство вообще и опера в частности всегда тяготели к обобщенной проблематике, забывая о конкретном человеке. Разглядев в нем вселенную, гуманист Черняков сжал до конкретно человеческого весь мир.

Его «Макбет» выплывает из Google Earth, да и в каждом другом спектакле сквозь объектив режиссерской скрытой камеры глобальный мир предстает муравейником частных жизней. В большинстве постановок Чернякова последних лет громада сцены разбита на мультиэкран с большим количеством маленьких внутренних пространств-окошек, за жизнью обитателей которых подглядывает театральный зал. Испытав очевидное влияние эстетики реалити-шоу, Черняков конструирует натуралистично жизнеподобную и вместе с тем эстетски остроконечную реальность, чтобы с открытием занавеса включить

прямой эфир и занять позицию стороннего наблюдателя.

Главная категория театра Чернякова — привасу: его герои стремятся существовать скрыто от чужих глаз, углубившись в собственный интим, обнажая неприкрытое естество без нужды кого-то перед кем-то изображать. Ад по Чернякову — это вынужденная необходимость делать сокровенное достоянием общественного, скажем, телеобращаясь к электорату с монологом «Скорбит душа». А рай — это когда смертельно умаявшейся блокаднице наконец удастся блаженно покурить в форточку.

Так поступали в спектаклях Чернякова соответственно Борис Годунов и райская птица Алконост: в полумифических фигурантах оперного иконостаса он способен разглядеть людей из плоти и крови. В черняковской «Хованщине» русская история выглядит пазлом предельно личных амбиций и страстей. Никакой борьбы политических сил, противостояния социальных слоев и прочих пригодных разве что для школьного учебника обобщений — просто клинч и поножовщина конкретных людей.

С годами режиссура Чернякова становится все более скупой на выразительные средства, все более снайперски точной и все более конструктивной. От декоративного упоения внешним он движется к суровому напряжению внутреннего. Гениальная одаренность визионера держится в ежовых рукавицах формы, кровоточащая сверхэмоциональность лишь изредка вырывается наружу. Сдавленная боль и структурное совершенство оперы Альбана Берга нынешнему Чернякову должны прийти к стати: все указывает на то, что «Воццек» получится великим спектаклем. Впрочем, так у Чернякова уже давно.

ДМИТРИЙ РЕНАНСКИЙ